

М. Мацуо

КОНЦЕПЦИЯ МИРА В ИССЛЕДОВАНИЯХ МИРА: КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Институт исследований мира и Высшая школа международного сотрудничества и развития, Хиросимский университет

Введение

Цель данной работы состоит в том, чтобы, как и предполагает основная тема конференции, попытаться «исследовать мир» в «миротворческом дискурсе», или, точнее, дать характеристику «рассуждениям о мире в исследованиях мира». Йохан Галтунг однажды заметил, что «важной задачей исследований мира всегда было и будет изучение концепции мира» [1, р. 183]. Однако, несмотря на призыв Галтунга, количество работ в этой области, достойных нашего внимания, крайне незначительно¹. Настоящую работу следует рассматривать как небольшой шаг в том направлении, которое было намечено Галтунгом.

Ниже пойдет речь о попытке проследить развитие концепции мира в исследованиях мира, которые зародились в период 1960-х гг. Более конкретно, в статье будут сначала рассмотрены концептуализация и определение мира в исследованиях мира и проанализировано, какие концепции мира используются. Затем, на этой основе, показано, что изначально более узкая концепция мира превратилась позднее в намного более комплексную концепцию как по содержанию, так и по объему. Кроме того, мы предлагаем рассматривать понятия «значение мира» и «сфера мира» как ключевые критерии для анализа концептуализации мира и оценки многогранности концепции мира.

В исследованиях, посвященных изучению концепции мира, или образа мира, стали различаться – хотя и не всегда эксплицитно – два аспекта концепции мира, а именно «значение мира» и «сфера мира». Предложение о разграничении двух понятий было впервые четко выражено в работах [2, 3], хотя необходимость подобного разграничения вытекала и из некоторых более ранних публикаций. Под «значением мира» понимается содержание или субстанция мира. Понятие же «сфера мира», которое, как мы вскоре увидим, было впервые предложено Йоханом Галтунгом, подразумевает логическое или когнитивное (и, зачастую, единственно возможное) пространство, где наличествует мир, каким бы ни была его субстанция.

В первом разделе работы развитие концепции мира будет рассмотрено с позиций «значения

мира», а во втором – с использованием понятия «сфера мира».

1. Значения мира

1.1. Значения мира: Изучение «образа мира»

Уже в период становления исследований мира как научной дисциплины был написан ряд работ, рассматривавших концепцию мира, хотя в то время чаще употреблялся термин не концепция, а «образ мира». Пионером этих исследований «образа мира» можно назвать Питера Купера, за которым следуют Тронд Эльвик, Лейф Роселл, Магнус Хаавелсрув, Дж. А.И.А. Эхли, Гленн Д. Хук, уделявшие особое внимание образу мира у детей². Для целей нашей работы важно заметить, что эти авторы имели скорее весьма своеобразное представление о природе концепции мира. Большинство из них склонялись к мысли, что концепция мира у любого ребенка попадает в одну и только в одну из четырех или пяти (или любого другого количества) кажущихся разобщенными категорий, которые никогда не могут быть представлены как комплексная структура, где сосуществуют две или более категорий. Например, Купер классифицирует образы мира (на самом деле, ответы детей или вербальные ассоциации со словом «мир») по четырем категориям: «инертность», «отсрочка», «общественная деятельность» и «примирение» [4, р. 4]. Образы мира рассматриваются как изменчивые, но которые принимают только одно из ограниченного числа значений.

Первым, кто использовал подход, допускающий сосуществование нескольких значений в концепции мира, был Такеси Исида [5]. В этом его работа кардинально отличалась от исследований Купера и других авторов, так как у Исида концепция мира имела сложную структуру, в которой рассматривалось несколько значений мира одновременно. Очевидно, что подход, предложенный Исида, намного более эффективен для понимания реальной природы образа мира и что образ мира в любой культуре или группе должен рассматриваться как состоящий скорее всего из более чем одного компонента независимо от того, с каким сообществом людей или даже отдельно взятых индивидуумов мы имеем дело.

¹ Автор расценивает работы [24] и [25] в качестве одних из немногих исключений в этом ряду.

² За этими работами последовали публикации [26] и [27]. В основном, они имели дело с детьми.

Не будет ошибкой сказать, что Исида также был первым, кто предпринял сравнительное изучение концепции мира, используя подход, рассмотренный выше. Как видно из табл. 1, сравнивая концепции мира у различных древних цивилизаций, он первым предположил, что любая концепция мира должна рассматриваться состоящей из нескольких компонентов мира, другими словами, «значений мира» или «субстанций мира», если придерживаться нашей терминологии. Исида со всей очевидностью продемонстрировал, что любая концепция мира не есть нечто, недоступное нашему пониманию, а представляет собой определенную конфигурацию компонентов, или значений мира, и что в различных сообществах людей, будь то цивилизация, культура, нация, общество и т.д., каждому из этих компонентов придается различная степень важности (табл. 1).

Таблица 1

Концепция мира в различных культурах*

Страны	Воля Бога или справедливость	Процветание	Порядок	Душевное равновесие
Древне-иудейская	Шалом			
Греческая		Ирена		
Римская			Рах	
Китайская (Японская)			Хо пьинг /пьинг хо (хэйва)	
Индийская				Шанти

* Из [5, p. 135].

В табл. 1 указаны соответствия слову «мир» у каждой из цивилизаций и показано, чему придается наибольшее значение в зависимости от той или иной цивилизации. Например, в случае с древним иудаизмом, «воля Бога или справедливость» и «процветание» были самыми важными элементами мира при том, что такие значения, как «порядок» и «душевное равновесие» также присутствуют.

Можно согласиться с тем, что достаточно рассмотреть всего четыре или пять значений мира, чтобы увидеть различия, существовавшие у той или иной цивилизации. Вместе с тем необходимо заметить, что, конечно, значения мира не ограничиваются только теми, что указаны в табл. 1. Например, необходимо рассматривать такое значение, как отсутствие войны (или вооруженного конфликта). А некоторые вообще считают, что сохранение окружающей среды является одним из самых важных значений мира в наше время¹.

Стоит заметить, что, хотя и неявно, но Исида попытался также обратить внимание на дифференци-

ацию сфер мира. Если сравнить такие из значений мира, приведенных в табл. 1, как процветание и душевное равновесие, то становится очевидным, что когнитивное или перцепционное пространство (экономического) процветания и душевного равновесия являются различными. Первое относится к государству, обществу, городу и т.д., в то время как второе обычно воспринимается как индивидуальная категория. Но мы пока отложим обсуждение сфер мира для того, чтобы вернуться к этой теме далее.

Итак, список значений мира был расширен за счет включения новых значений к ранее уже существовавшему ряду значений, которые рассматривались по отдельности. Схожий процесс можно наблюдать и в том, что касается развития концепции мира (или определений мира), являющейся предметом изучения в исследованиях мира.

1.2. Значения мира: Концептуализация мира в исследованиях мира

В первые годы существования исследований мира считалось, что мир – это состояние, противоположное войне. Мир определялся как *отсутствие войны* частично из-за того, что в тот период исследователи мира стремились переосмыслить трагедию Второй мировой войны и найти выход из опасной ситуации, ставившей под сомнение само существование человечества в связи с опасностью тотальной ядерной войны между двумя сверхдержавами [6, p. 19]. Другими словами, опираясь на выводы, сделанные в предыдущей части статьи, можно сказать, что в то время концепция мира включала в себя только одно значение мира, а именно отсутствие войны.

В ретроспективе и для лучшего понимания того, что в прошлом значение мира как отсутствие войны воспринималось еще уже, нежели это может показаться на первый взгляд, следует остановиться на рассмотрении двух характеристик концепции войны в тот период. Во-первых, считалось, что «война» ведется только между большими странами, или, по крайней мере, между государствами. Из-за этого две важные области исследования оставались практически вне сферы внимания: развивающиеся страны и локальные и внутренние конфликты [6, p. 45–47]. К примеру, внутренние конфликты вообще не рассматривались в знаменитом проекте «Корреляции войны» в Мичиганском университете [7, p. 8]. Недавно опубликованный обзор академических публикаций по этому проекту показывает, что даже сейчас авторы придерживаются все еще очень ограниченного определения войны [8, p. 12]. Одним из последствий такого подхода стало то, что до того, как в 70-х годах были опубликованы новатор-

¹ См., например, [28, 29, 30, p. 14] и др.

ские работы Иштвана Кенде [9, 10], отсутствовали какие бы то ни было систематические исследования по проблемам локальных и внутренних войн.

Во-вторых, характер войны считался симметричным, другими словами, война рассматривалась как противоборство государств или союзов государств, обладающих примерно одинаковой силой. Однако, если согласиться с этим утверждением, то война во Вьетнаме и другие партизанские войны были очевидной аномалией, даже если забыть о том факте, что в войны оказывались вовлеченными другие силы, а не только государства. Вот поэтому ограниченное определение войны стало все менее и менее востребованным.

При концептуализации мира как отсутствия войны, как бы по-разному она ни трактовалась, очевидно: если идет война, то значит нет мира, и если нет войны, то значит есть мир. Исходя из этого, взаимоотношения войны и мира должны быть с нулевой суммой. Подобное понимание взаимоотношений войны и мира вскоре было признано слишком ограниченным и негибким, так как не предусматривало наличие «серых зон». Такие исследователи, как Кеннет Боулдинг [11] и Джефри Дарнтон [12] попытались несколько по-другому трактовать взаимоотношения войны и мира и приблизить теорию ближе к реальности. Вместо дихотомии как Боулдинг, так и Дарнтон допускали наличие «серой зоны» между войной и миром. Тем не менее, несмотря на попытки модификации, принятые этими авторами, суть определения мира как отсутствие войны оставалась неизменной, так как даже в новой формулировке степень мира всегда ставилась в зависимость от степени войны.

Реальное изменение в понимании концепции мира произошло около 1970 г. Необходимость радикального изменения концепции мира как предмета изучения исследований мира объясняется тем, что в период с 1945 г. по 1960-е гг., в отличие от опасений многих исследователей, не было ни одной большой войны, в то время как имели место множество локальных войн. С другой стороны, ясно обозначилась так называемая проблема «Севера и Юга»¹, или, точнее, эта проблема стала считаться одной из самых насущных в мировом масштабе. Признание существования проблемы Севера и Юга повернуло исследования мира лицом к трагическому и несчастному положению дел в развивающихся странах, проявляющего себя в голоде, бедности, экономической отсталости и попрании

прав человека. На этом фоне многие исследователи мира задались вопросом, действительно ли отсутствие войны означает мир? Для целей данной статьи этот вопрос может быть перефразирован следующим образом: «Может ли мир иметь только одно значение, или, является ли отсутствие войны единственным значением мира?»²

Первым, кто сумел раздвинуть рамки определения войны как отсутствие мира, стал Сугата Дасгупта, озвучивший новую концепцию мира. Он предложил понятие «состояние безмизрия» для обозначения ситуаций, в особенности в развивающихся странах, где, несмотря на отсутствие войны, люди страдают не в меньшей мере, чем во время войны от бедности, недоедания, инфекционных заболеваний, неграмотности, дискриминации, угнетения и так далее [13].

Очевидно, что, следуя концептуализации мира по Дасгупте, новые значения мира, такие, как экономическое процветание (или, скорее даже, отсутствие или недостаток такового) и физическое здоровье, могут быть объединены в предложенную концепцию мира как необходимые компоненты или условия мира. Подобный подход стал настоящим прорывом по сравнению с предыдущими концепциями мира, рассматривавшие только один компонент, а именно отсутствие войны. Таким образом, если принять новое определение мира, то отсутствие войны между государствами перестает быть единственным достаточным условием мира.

Заметим, что новое определение мира, предложенное Дасгуптой, также затрагивает вопрос и о сфере мира. Если предположить, что существует только одна сфера мира, имеющая значение в системе международных или межгосударственных отношений, или, более точно, системе, в которой допускается только одна единица измерения – суверенное независимое государство, то мир может быть определен как отсутствие войны между и среди государств или союзов государств. В этом случае традиционное определение мира окажется вполне подходящим, так как мир рассматривается только в отношении взаимоотношений между государствами или группой государств. Однако, как было показано выше, определение мира по Дасгупте включает такие значения мира, как (отсутствие) бедности или низкого уровня развития, (отсутствие) голода, (отсутствие) низкого уровня образования (возможностей для получения образования) и т.д. Ясно, что бедность и экономическая

¹ Под проблемой Север–Юг к середине прошлого века стали подразумеваться взаимоотношения между богатыми, индустриальными странами несоветского блока, большинство из которых расположено к северу от экватора («Север») и развивающимися странами так называемого третьего мира, многие из которых расположены к югу от экватора («Юг»). – Прим. ред. русского издания совместного журнала.

² С исторической перспективы, идея о том, что мир – это нечто большее, нежели отсутствие войны, появилась еще в XVI в. [24, р. 236–237].

отсталость не относятся к внешним атрибутам суверенного независимого государства, не говоря уже о голоде и низком уровне образования. В общем и целом, эти значения мира могут относиться только к внутригосударственному или внутригрупповому уровню. Следовательно, концепция Дасгупта также затрагивает вопросы новых сфер мира, которые мы рассмотрим в другой части этой работы.

Усилия исследователей мира по выработке концепции мира, отвечающей новой глобальной ситуации, увенчались успехом, когда Йохан Галтунг выдвинул открывшую новую эпоху концепцию мира, отталкивающуюся от понятия «насилие», в своей ставшей уже классикой статье [14]. Строго говоря, вопреки общепринятому мнению, это была не концепция «структурного насилия» как таковая, а новая концепция **мира** и насилия, которую выдвинул Галтунг. Тем не менее термин «структурное насилие» прижился, несмотря на свое несоответствие исторической и академической действительности. Галтунг сделал существенный шаг вперед по пути создания масштабной теоретической конструкции, подходящей для рассмотрения не только вопросов войны, но также вопросов бедности, эпидемий и нарушений прав человека. Ключ к предложенному Галтунгом новому определению мира лежит в новой концепции насилия.

Галтунг определил мир как отсутствие насилия, а не как отсутствие войны [14, р. 167]. Несомненно, что полезность и законность подобного определения зависит исключительно от того, что понимается под насилием. Так что же тогда насилие? По Галтунгу, насилием является все то, что препятствует полной реализации врожденного соматического и умственного потенциалов человека. Другими словами, насилием является все то, в результате чего возникает разрыв между физическим и умственным потенциалами людей и их реальным состоянием [14, р. 168]. С этой точки зрения насилие, бедность, экономическая отсталость, притеснение и другое социальное зло, которому подвержены миллиарды людей, в большинстве своем проживающих в развивающихся странах, могут рассматриваться как проявления насилия. Обращаясь далее к вопросу о значении мира, искоренение этого социального зла должно считаться необходимыми условиями по достижению мира. Как видим, число компонентов мира растет. С помощью нового определения насилия Галтунгу удалось выработать всестороннюю (а кто-то скажет, даже слишком широкую по охвату) концепцию мира. Стоит упомянуть и то, что, как и в случае с работой Дасгупты, предложение Галтунга затрагивало вопросы новых сфер мира, что является предметом нашего обсуждения во второй части данной статьи.

После того, как Галтунг озвучил свой подход, уже не представляется возможным продолжать утверждать, что концепция мира состоит только из одного компонента. С точки зрения теории, любая концепция мира состоит из двух или большего числа элементов, которые мы называем «значения мира». И как вытекает из сравнительного анализа Исиды, о котором говорилось выше, концепцию мира у отдельно взятого человеческого сообщества можно рассматривать как некое подмножество значений мира. Однако остается нерешенным один интересный вопрос. Как значения мира соотносятся друг с другом? Каковы в целом взаимоотношения значений мира? До настоящего времени только несколько исследователей попытались ответить на эти вопросы, в т.ч. автор работы [15]. В результате проведенного ассоциативного эксперимента, описанного в этой работе, были установлены 13 значений мира и предпринята попытка показать взаимоотношения между 13 значениями мира (см. рис. 1).

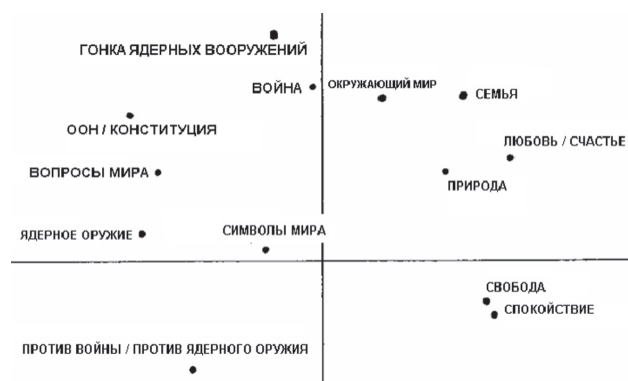

Рис. 1. Структура образа мира у людей Японии [3, р.10]

Рис. 1 вновь наводит нас на мысль о необходимости рассмотрения, кроме значений мира, вопросов, связанных со сферами мира. Например, обратите внимание на появление в рис. 1 таких элементов, как «окружающий мир», «семья» и «природа». Сферы мира являются предметом нашего последующего обсуждения.

2. Сферы мира

Как было показано выше, концепция мира является многовариативной, или, другими словами, складывается из более чем одного компонента или значения мира. В то же время концепция мира может и должна изучаться, имея в виду и другую перспективу. Как уже было ранее отмечено, у концепции мира можно увидеть еще одно измерение. Это измерение – сфера мира.

Проблема многогранности образа мира была впервые подмечена Гленном Д. Хуком [16]. Хотя он и не использовал специальный термин и не обозначил четко круг вопросов, он тем не менее подчерк-

нул важность иного, нежели значение мира, изменения, утверждая, что, рассматривая детские «образы» мира, очень важно определить, а кто, по их мнению, делает мир. Это измерение может быть обозначено как *агентное* [16, p. 85].

Первым, кто четко указал на важность сфер мира, стал Йохан Галтунг. Он выделил три типа трактовки понятия «мир на земле», положив в основу типологии такой критерий, как сфера мира. С его точки зрения, есть основания говорить об универсалистском, вне или внутри группы ориентированном и внутриличностно ориентированном подходах (рис. 2) [1].

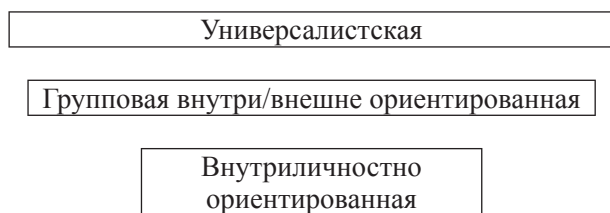

Рис. 2. Три трактовки понятия «сфера мира»

Концепция «универсалиста» видит весь мир как единое целое и подразумевает, что только мир во всем мире имеет значение. Римская концепция «рах» является примером такого подхода. «Групповая внутриориентированная» трактовка сначала делит мир на две части, т.е. на свою собственную группу и другие группы, или, в более общем смысле, на «мы» и «они». Критерии, по которым различают группы, могут быть политическими, экономическими, географическими, культурными, религиозными, или их комбинация. Для этой концепции интерес представляет только мир для своей группы или мир внутри группы, а то, что происходит в других группах, имеет мало значения. Третья, ориентированная на внутренний мир человека, придает первостепенное значение душевному равновесию отдельных людей.

Предложенная Галтунгом классификация позволила сделать концепцию мира мультивариативной или многослойной и в том, что касается сфер мира. В ретроспективе кажется вполне естественным, что понятие сферы мира (или какое-либо подобное понятие) должно было появиться. Как уже было отмечено выше, введение новых значений мира в концептуализацию мира потребовало также введение новых сфер мира. Однако, несмотря на предложение Галтунга о трех вариантах трактовки сфер мира, как таковых исследований по сферам мира было немного. Нижеприведенная табл. 2 заимствована из одного из таких немногочисленных исследований и показывает девять главных сфер мира у людей Японии (главных в том, что касается относительной численной значимости). Данные, представленные в табл. 2, были получены путем контентного анализа

на основе отрывков с использованием японского слова «хэйва» («мир»), взятых из японской массовой литературы. Из-за того, что количество проанализированных отрывков было невелико, результат, конечно, можно расценивать только как предварительный. Тем не менее все же удалось составить общее представление о главных сферах мира у людей Японии.

Кроме того, в табл. 2 также перечислены значения мира, которые тесно связаны с каждой из сфер мира. Дело в том, что эти пары сфер мира и значений мира наиболее часто встречаются одновременно в проанализированных образцах. Естественно, что возникает вопрос о взаимоотношениях между значениями мира и сферами мира. Вполне возможно, что конкретное значение мира находится в тесной связи с конкретной сферой мира, и наоборот. Но пока задача изучения этого вопроса является задачей будущего.

Таблица 2

Главные сферы мира для людей Японии*

Сфера по-японски (по-русски)	Тесно связанное «значение мира»
Джинруй (человечество)	Счастье
Секай (окружающий мир)	Ссора/беда, надежда
Куни (страна)	Война, процветание
Судан (группа)	Спокойствие
Мачи (город)	Война, ссора/беда
Мура (деревня)	Война, ссора/беда, спокойствие, чувство безопасности, процветание
Катей (семья)	Война, чувство безопасности
Коджин (индивидуум)	Война, ссора/беда, спокойствие
Сизен (природа)	Процветание, чувство безопасности

* Из [2, p. 55–76].

Вот каким образом к настоящему времени концепция мира стала рассматриваться как включающая в себя два или более значения мира и сфер мира, или, другими словами, стала многозначимой и многослойной.

Заключение

В настоящей работе было кратко рассмотрено развитие концепции мира в исследованиях мира в двух аспектах: во-первых, было показано, какого плана концептуализация мира используется при изучении концепции мира, и, во-вторых, как мир как таковой определяется в исследованиях мира. Мы начали свой краткий очерк с двух предположений. Первое предположение состояло в том, что любая концепция мира должна рассматриваться как возможно использующая более чем одно значение мира. Другое состояло в том, что любая кон-

цепция мира имеет дело с возможно более чем одной сферой мира. Было показано, что и при изучении концепции мира, и при определении мира как такового концепция мира в исследованиях мира претерпела эволюцию от концепции, опирающейся только на одно значение к оперирующей несколькими, и от одномерной концепции к многомерной с введением в научный оборот такого понятия, как «сфера мира».

В этой связи хотелось бы отменить недавнюю эволюцию концепции безопасности в исследованиях вопросов безопасности [17, р. 2], схожую с той, что имела место в исследованиях мира [18, р. 492, см. также сноску 1]. Концепция безопасности была расширена для того, чтобы включить не только военные источники угрозы вооруженного конфликта, но также такие невоенные источники, как ухудшение состояния окружающей среды (глобальное потепление, нехватка возобновляемых и невозобновляемых ресурсов и т.п.), ущерб внутренней экономике, наносимый иностранным капиталом, организованная преступность, например в сфере нелегальной торговли наркотиками, массовые нарушения прав человека, выселение людей, беженцы и неконтролируемая миграция, инфекционные заболевания и др. [19, р. 4]. Как следствие, концепция безопасности сейчас имеет дело с большим кругом проблем¹.

Из табл. 3 видно, что концепция безопасности отходит от рассмотрения исключительно вопросов традиционной национальной безопасности государства как в том, что касается того, чему (или кому) должна быть обеспечена безопасность, так и в том, что касается «источников угрозы» безопасности. Список «референтов» (кому или чему должна быть обеспечена безопасность) сейчас включает не только государства, но также общества, группы внутри государств и отдельных людей, в то время как под источниками угрозы стали пониматься и невоенные угрозы, такие, как окружающая среда и экономика.

В табл. 3 расширение концепции безопасности объяснено в применении к понятиям «референты» и «источники угрозы», которые во многом, если не полностью, эквивалентны нашим понятиям значений мира и сфер мира соответственно. Таким образом, развитие концепции безопасности аналогично развитию концепции мира, описанному выше.

Расширение концепции безопасности привело к возникновению концепции «безопасность челове-

ка», которая впервые четко была изложена в 1994 г. Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) в своем ежегодном докладе. Подчеркиваются следующие изменения: 1) «от территориальной (или государственной) безопасности к безопасности людей» и 2) «от безопасности за счет наращивания вооружений к безопасности за счет возобновляемого человеческого развития» [20, р. 24]. Первое изменение – это не что иное, как расширение списка референтов от государства к людям (или к группам и отдельным людям), показанное в табл. 3. Второе изменение касается расширения списка источников угроз. Угрозы безопасности человека, названные ПРООН, разнятся от экономических, продовольственных, здоровью, окружающей среде, политических до персональной физической безопасности и общественной безопасности [20, р. 24–25]².

Таблица 3

Безопасность: референты и источники угрозы

		Источник угрозы	
		Военный	Военный, невоенный или оба
Референты	Государства	Национальная безопасность: обычный реалистский подход к изучению безопасности	Новое понимание безопасности: напр., экологическая и экономическая безопасность
	Общества, группы и отдельные люди	Межгосударственная безопасность: напр., гражданская война, этнический конфликт и демоцид	Безопасность человека: напр., экологические и экономические угрозы выживанию обществ, групп или отдельных лиц

* Из [32, р. 98].

Беря за основу развитие концепции безопасности в том понимании, как это было изложено выше, можно сделать два предварительных вывода. Во-первых, в результате параллельного развития в настоящее время происходит конвергенция исследований мира и безопасности [21, р. 587], или, лучше сказать, концепции мира и безопасности стали очень близки друг к другу. К примеру, недавно опубликованные антологии исследований мира уделяют все большее внимание вопросам безопасности, подчеркивая происшедшие изменения в понимании природы и ширине диапазона безопасности или

¹ Расширение концепции безопасности и последствия этого для исследований мира более детально обсуждены в [6, р. 173–177].

² Конечно, раздается критицизм в адрес «чрезмерного расширения» концепции безопасности, точно так же как и против расширения концепции мира. Многие выдвигали аргументы наподобие следующих: «[Исследования мира стали] своего рода “черной дырой” [абсорбирующей любую социальную проблему как сразу же после падения] “Вавилонской башни”» [31, р. 10–11], «если безопасностью человека является все, то что же тогда не является?» [32, р. 90–92], или «если навешать ярлык угрозы безопасности всему, что может привести к ухудшению благополучия людей, то термин теряет какую бы то ни было аналитическую ценность» [33, р. 24].

источников небезопасности [22, p. 8; 23, p. 3–4]. Во-вторых, не только наши предположения о многовариативности и многомерности концепции мира могут быть подтверждены на других примерах, но также и правомочность использования таких категорий, как значение мира и сфера мира тоже может быть проиллюстрирована.

В настоящей статье мы попытались объяснить развитие концепции мира в исследованиях мира. Однако, даже если считать нашу задачу выполненной, возникают новые вопросы, среди которых следующие кажутся заслуживающими внимания, хотя и нельзя не согласиться с тем, что ответы в значи-

тельной степени зависят от того, какое человеческое сообщество мы имеем в виду.

Насколько основополагающие значения мира связаны между собой в конкретной концепции мира у конкретной группы людей или в общей концепции мира? Этот вопрос относится к внутренней структуре концепции мира, предопределяется взаимосвязью соответствующих значений мира как единиц измерения.

Как значения мира и сферы мира связаны между собой? Этот вопрос заслуживает специального исследования.

Литература

1. Galtung J. Social Cosmology and the Concept of Peace // *Journal of Peace Research*. 1981. V. 18. No. 2. P. 183–199.
2. Matsuo M. Space Where Peace Exists: An Analysis of Examples from Literary Fictions (Heiwa no Seiritsusuru Ba - Fikushon no Yourei Bunnseki) // *Hiroshima Peace Science*. 1984. V. 7. P. 55–76 (in Japanese).
3. Matsuo M. Japanese People's Image of Peace // *PSAJ-Newsletter* (Peace Studies Association of Japan). 1985. No. 5. P. 8–10.
4. Cooper P. The Development of the Concept of War // *Journal of Peace Research*. 1965. V. 2. No. 1. P. 1–17.
5. Ishida T. Beyond the Traditional Concepts of Peace in Different Cultures // *Journal of Peace Research*. 1969. V. 6. No. 2. P. 2, 133–145.
6. Matsuo M. *Peace and Conflict Studies: A Theoretical Introduction*. Hiroshima: Keisuisha, 2005.
7. Small M., Singer J.D. Patterns in International Warfare, 1816–1980 / Eds. Melvin Small and John David Singer, *International War: An Anthology and Study Guide*. Homewood, IL: Dorsey Press, 1985. P. 7–19.
8. Geller D.S., Singer J.D. *Nations at War: A Scientific Study of International Conflict*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
9. Kende I. Twenty-Five Years of Local Wars // *Journal of Peace Research*. 1971. V. 8. No. 1. P. 5–27.
10. Kende I. Wars of Ten Years (1967–1976) // *Journal of Peace Research*. 1978. V. 14. No. 3. P. 227–241.
11. Boulding K.E. *Stable Peace*. Austin: University of Texas Press, 1978.
12. Darnton G. The Concept <Peace> // *Proceedings of the International Peace Research Association Fourth General Conference*. 1973. P. 105–116.
13. Dasgupta S. Peacefulness and Maldevelopment: A New Theme for Peace Research in Developing Nations // *Proceedings of the International Peace Research Association Second Conference*. Assen, The Netherlands: Koninklijke Van Gorcum & Comp, 1968. V. 2. P. 19–42.
14. Galtung J. Violence, Peace, and Peace Research // *Journal of Peace Research*. 1969. V. 6. No. 3. P. 167–191.
15. Matsuo M. A Semantic Analysis of "Heiwa (Peace)" through an Association Experiment (Renso Chosa niyuru "Heiwa" no Imi Bunseki), IPSHU Research Report No.8 (Institute for Peace Science, Hiroshima University). 1983. (in Japanese).
16. Hook G.D. Orientations to Peace among Canadian and Indian Children // *Peace Research in Japan*. 1978–1979. P. 85–102.
17. Buzan B., Ole Waeber and Jaap de Wilde. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner, 1998.
18. Wiberg H. (Re-)Conceptualizing Security // *Arms Control*. 1992. V. 13. No. 3. P. 487–492.
19. Patman R.G. Security in a Post-Cold War Context / Ed. Robert G. Patman. *Security in a Post-Cold War World*. Houndmills and London: Macmillan, 1999. P. 1–12.
20. United Nations Development Programme (UNDP), *Human Development 1994: New Dimensions of Human Security*. New York: Oxford University Press, 1994.
21. Kriesberg L. Convergence between International Security Studies and Peace Studies // Eds. Michael Brecher and Frank Harvey // *Realism and Institutionalism in International Studies*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002. P. 584–597.
22. Balázs J. Introduction / Eds. Judit Balázs and Håkan Wiberg. *Peace Research for the 1990s*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993. P. 7–8.
23. Boulding E. Introduction: What Is Possible? / Ed. Elise Boulding. *New Agendas for Peace Research: Conflict and Security Reexamined*. Boulder, Lynne Rienner, 1992. P. 1–6.
24. Kende I. The History of Peace: Concept and Organizations from the Late Middle Ages to the 1870s // *Journal of Peace Research*. 1989. V. 26. No. 3. P. 233–247.
25. Rinehart M. Understanding the Concept 'Peace': A Search for a Common Ground // *Peace and Change*. 1993. V. 20. No. 3. 379–396.
26. Hall R. How Children Think and Feel about War and Peace: An Australian Study // *Journal of Peace Research*. 1993. V. 30. No. 2. P. 181–196.
27. Hakvoort I., Oppenheimer L. Children and Adolescents' Conceptions of Peace, War, and Strategies to Attain Peace: A Dutch Case Study // *Journal of Peace Research*. 1993. V. 30. No. 1. P. 65–77.

28. Kegley C.Jr. Placing Global Ecopolitics in Peace Studies // *Peace Review*. 1997. V. 9. No. 3. P. 425–430.
29. Pirages D.C. The Greening of Peace Research // *Journal of Peace Research*. 1991. V. 28. No. 2. P. 129–133.
30. Wenden A.L. Defining Peace: Perspectives from Peace Research / Eds. Christina Schäffner and Anita L. Wenden. *Language and Peace*. Aldershot: Dartmouth, 1995. P. 3–15.
31. Wiberg H. European Peace Research in the 1990s / Eds. Judit Balázs and Håkan Wiberg. *Peace Research for the 1990s*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993. P. 9–25.
32. Paris R. Human Security: Paradigm Shift or Hot Air? // *International Security*. 2001. V. 26. No. 2. P. 87–102.
33. Deudney D. Environment and Security: Muddled Thinking // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 1991. V. 47. No. 3. P. 22–28.